

И. И. Янжул

Воспоминания И.И. Янжула

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. И. Янжул**
Воспоминания И.И. Янжула / И. И. Янжул – М.: Книга по Требованию, 2024. – 196 с.

ISBN 978-5-458-14279-3

Воспоминания известного русского экономиста, профессора Московского Университета, академика И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864-1909 гг. Выпуск 2. Санкт-Петербург, типография Н.Я. Стойковой, 1911 год.

ISBN 978-5-458-14279-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

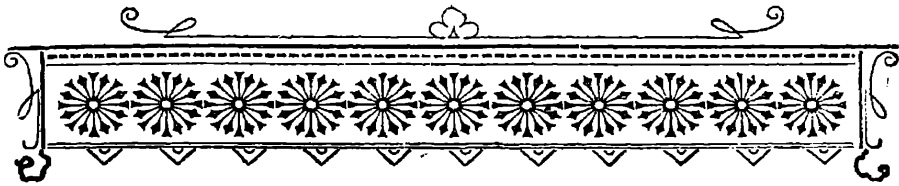
полненіе мелкихъ порученій Министерства.—Вашингтонъ.—Чикаго: впечатлѣнія города и Выставки.—Безстыдство американской рекламы.—Возвращеніе въ Европу. 120—147

Г Л А В А XI.

Новый плодъ экономической эволюціи: „сндикаты“ или „картели“. — Происхожденіе ихъ, какъ ближайшій результатъ центраціи капиталовъ и труда.—Общіе выводы изъ моего изслѣдованія о синдикатахъ, сдѣланнаго въ Америкѣ.—Новое порученіе Министерства Финансовъ: изслѣдованіе *Торговыхъ Музеевъ, Экспортныхъ Союзовъ и Товарныхъ Складовъ* въ Европѣ. — Трудность принятой мною на себя задачи и отсутствіе всякой литературы предмета. — Главнѣйшіе типы Торговыхъ Музеевъ: Брюссель, Вѣна, Будапештъ.—Экспортные Союзы въ Германіи и Австріи.—Образцовая организація вывозной торговли въ Гамбургѣ.—Борьба съ затрудненіями разнаго рода. — Странная судьба Торговыхъ Музеевъ во Франціи.—Отрицательное отношеніе въ Англіи. — Конечный выводъ моего изслѣдованія о Торговыхъ Музеевхъ. 148—170

Г Л А В А XII.

Мои публичныя чтенія, доклады и рефераты.—Ихъ многочисленность и значеніе въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго вѣка. — „Соціальный миръ“, какъ ихъ главное содержаніе. — Лекція „Великавыя промышленности“, ея происхожденіе и сущность.—Странное совпаденіе взглядовъ и послѣдствій: протестъ социалистовъ и запрещеніе того же чтенія въ провинціи правительственными органами. — Какъ это согласовать?.. — Лекція „Милліоны и что съ ними дѣлать?“; ея содержаніе, огромный успѣхъ и сборъ, одушевленіе слушателей и вызовъ пожертвованій на добрыя дѣла.—Общее вниманіе, сочувствіе къ лекціи въ Москвѣ и провинціи.—Просьбы о помощи и голоса пазъ публики.—Какъ заключеніе—Петербургская сатира... 171—189

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.

(1864 — 1909 г. г.).

ГЛАВА VI¹⁾.

Мои встрѣчи и знакомства съ нашими известными писателями. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.—Три встрѣчи съ нимъ и бесѣда въ Парижѣ объ относительномъ достоинствѣ русскихъ и французскихъ женщинъ.—Примѣры нашей некультурности.—Девъ Николаевичъ гр. Толстой.—Первое съ нимъ знакомство и мои впечатлѣнія сравнительно съ Тургеневымъ.—Его относительная оригинальность и рѣзкость.—Порученіе Льва Николаевича въ Америку.—„Царство Воліе внутри насъ“ и г-жа Варвара Гепгудъ (Hargood).—Г-жа Делано и развязка порученія.—Статья Кенана въ журналѣ „Century“ о его посвященіи „Ясной Поляны“ по просьбѣ политическихъ ссыльныхъ.—Душевная доброта и сердечное отношеніе Льва Николаевича къ знакомымъ въ минуту несчастія.—Встрѣчи съ другими русскими писателями: М. Е. Салтыковъ, Н. К. Михайловскій, Н. В. Шелгуновъ, Ф. М. Достоевскій, П. А. Гайдебуровъ, Я. П. Полонскій и др.—Отрицательный типъ русской журналистики: Евгений Львовъ-Кочетовъ.

Въ тѣмъ же семидесятымъ-восьмидесятымъ годамъ прошлаго вѣка, которымъ посвящены предшествующія главы моихъ воспоминаній, относится и время знакомства моего съ большинствомъ нашихъ писателей, указанныхъ выше въ оглавленіи. Съ И. С. Тургеневымъ, напри- мѣръ, я имѣлъ удовольствіе познакомиться именно въ семидеся- тыхъ годахъ, во время его приѣзда въ Москву, еще до Пушкин- скихъ празднествъ; Льва же Николаевича и прочихъ литерато- ровъ, кромѣ москвичей, я узналъ лично нѣсколько лѣтъ позднѣе, во время моихъ многочисленныхъ наѣздовъ въ С.-Петербургъ.

¹⁾ До настоящей главы въ изложеніи моихъ „Воспоминаній“ я слѣдо- вательно исключительно хронологическому порядку, передавая, годъ за годомъ, важнѣйшіе факты изъ моей жизни, какъ они сохранились въ памяти; но съ приближеніемъ къ настоящему времени, къ сожалѣнію, память начи- наетъ мнѣ болѣе и болѣе измѣнять, а потому съ настоящей главы шестой— я рѣшилъ измѣнить этотъ порядокъ изложенія и передавать „Восполи- нанія“ уже по однороднымъ вопросамъ, группируя ихъ вмѣстѣ.

Съ Иваномъ Сергѣевичемъ по странной игрѣ судьбы я встрѣчался въ трехъ различныхъ пунктахъ Европы: въ Москвѣ, Лондонѣ и Парижѣ, въ Петербургѣ лишь провожалъ его прахъ до Волкова кладбища.

Въ Москвѣ, если не ошибаюсь, меня представилъ Ивану Сергѣевичу мой другъ М. М. Ковалевскій, кажется, въ квартирѣ г. Управляющаго Государственными Имуществами или Удѣловъ Маслова, въ которой Иванъ Сергѣевичъ останавливался тогда. Затѣмъ онъ былъ нѣсколько разъ въ нашемъ домѣ (у Харитонія въ Огородникахъ д. Миллера), обѣдалъ у Максима Максимовича и провелъ одинъ вечеръ у меня. Безполезно говорить, что онъ сразу завоевалъ наши симпатіи своимъ умомъ, живой и увлекательной рѣчью и необыкновенно мягкимъ характеромъ своей бесѣды: онъ никого не затрогивалъ, ни надъ кѣмъ не смѣялся, держалъ себя съ нами, молодыми профессорами, какъ добрый папаша или дѣдушка съ дѣтьми. На обѣдѣ у Ковалевскаго было много говорено, напримѣръ, рѣчей, но къ сожалѣнію у меня ничего не врѣзалось въ памяти. Конечно, старались говорить лишь пріятное нашему дорогому гостю: такъ П. Д. Боборыкинъ говорилъ, помнится, по его выраженію какъ „рядовой отъ литературы передъ генераломъ отъ литературы“, желая выразить въ деликатной формѣ наши чувства уваженія къ почетному писателю.

Въ антрактахъ между рѣчами, или когда была свобода отъ нихъ, обыкновенно Иванъ Сергѣевичъ притягивался къ разговору, и его заставляли что-нибудь рассказывать, при чемъ мнѣ припоминаются лишь два главные пункта его рассказовъ—описаніе происхожденія типа Базарова, котораго онъ списалъ, въ главныхъ чертахъ, съ какого-то доктора, ѣхавшаго съ нимъ по Николаевской дорогѣ (почему-то, добавилъ онъ, по Новгородской губерніи) и меня поразило его объясненіе, что онъ искренно полюбилъ и привязался къ Базарову послѣ его изображенія. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы Тургеневъ списывалъ какой-либо типъ, а въ томъ числѣ и Базарова, съ натуры цѣликомъ, какъ это дѣлаютъ неопытные и малоталантливые писатели... Нѣтъ, Тургеневъ, встрѣчая въ жизни нѣсколько схожихъ типовъ, такъ сказать, обобщалъ, создавалъ новое лицо, и этотъ вновь созданный типъ, объяснялъ Иванъ Сергѣевичъ, не давалъ ему покоя, стоялъ передъ его глазами... Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не занесъ новый типъ на бумагу, написалъ произведеніе...

Во-вторыхъ, я помню, какъ трогательно Иванъ Сергѣевичъ объяснялъ у меня на вечерѣ передъ обществомъ дамъ, на этотъ разъ преобладавшихъ (и изъ нихъ главнымъ образомъ дѣвицъ), что онъ

къ сожалѣнію не свилъ себѣ гнѣзда у себя на родинѣ... Тамъ же Иванъ Сергѣевичъ заинтересовался личностью одной молоденькой дѣвушки, тогда еще гимназисткой П., и предсказалъ въ разговорѣ съ моею женой, что изъ нея должно выйти что-нибудь выдающееся. Предсказаніе это отчасти и оправдалось: изъ нея вышла не только хорошая мать семейства, но и очень изрядная художница-жанристка, къ сожалѣнію, мало пишущая.

Осенью 1880 года, когда мы съ женой находились въ Лондонѣ, въ одно прекрасное утро, довольно рано, не позднѣе 11 часовъ,—почему-то мы еще находились дома и не ушли въ Музей—пріѣхала горничная предупредить, что къ намъ снизу идетъ какой-то Russian gentleman—огромный. Скоро послышались шаги, и я увидалъ сверху по узенькой лѣстницѣ поднимающуюся къ намъ крупную фигуру Ивана Сергѣевича: онъ не безъ труда добрался до нашей маленькой комнаты и вывелъ насъ изъ смущенія своимъ добрымъ привѣтствіемъ. Оказалось, что онъ пріѣхалъ въ Англію изъ Парижа всего лишь на нѣсколько дней поохотиться въ имѣніи одного своего англійскаго пріятеля и, узнавши нашъ адресъ у Ковалевскаго, еще въ Парижѣ, пожелалъ воспользоваться случаемъ, чтобы насъ видѣть. Онъ проведѣлъ у насъ съ полчаса, много рассказывая интереснаго, кажется, о Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ, въ коемъ участвовалъ, и о многомъ другомъ, говорилъ о болѣзни Ковалевскаго, котораго мы тогда поджидали въ Лондонѣ. Мнѣ припоминается два факта изъ тогдашнихъ его рассказовъ: какъ на Пушкинскомъ праздникѣ къ нему обратили вдругъ, зашекивая расположеніе, Катковъ, и онъ вынужденъ былъ отвернуться отъ этой назойливости. Затѣмъ въ этотъ же разъ, кажется, Иванъ Сергѣевичъ передалъ намъ случай изъ знакомства съ извѣстнымъ англійскимъ писателемъ и общественнымъ дѣятелемъ—Ashton Dilke. Изъ этого рассказа Ивана Сергѣевича припоминается мнѣ слѣдующій случай, доказывающій необыкновенную энергію и настойчивость британскаго характера.

„Нѣсколько лѣтъ назадъ“, рассказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, „когда я пріѣхалъ въ Англію, въ Оксфордъ и провелъ тамъ нѣсколько времени, мнѣ удалось посѣтить тамъ студенческое, такъ называемое „діалектическое общество“ (Dialectical Society), гдѣ студенты упражняются въ краснорѣчіи на разныя трудныя темы, причемъ одинъ студентъ разсматриваетъ вопросъ обыкновенно съ одной точки зрѣнія, а другой—съ противоположной. Въроятно, ради моего посѣщенія была назначена какая-то русская тема: кажется, сближеніе Россіи съ Европой во время Петра; одинъ студентъ говорилъ за это сближеніе, другой противъ него. Послѣдній студентъ говорилъ

чрезвычайно остроумно въ пользу своего очень труднаго положенія, и я попросилъ, чтобы меня съ нимъ познакомили и имѣлъ коротенькую съ нимъ бесѣду“... „Представьте себѣ мое удивленіе“, закончилъ Иванъ Сергѣевичъ, „въ нынѣшнемъ году недавно прислуга передаетъ мнѣ русскую визитную карточку: „Антонъ Антоновичъ Дилькъ“. Я, конечно, принялъ его: оказалось, это тотъ самый студентъ Ashton Dilke, который, окончивши Оксфордскій университетъ, выучился очень изрядно по-русски, чуть ли не побывавъ въ Россіи и захотѣлъ навѣстить меня, очень интересуясь всѣмъ русскимъ... и здѣсь я опять съ нимъ встрѣтился, почему и заговорилъ о немъ“...

Наиболѣе всего, т. е. чаще всего я видѣлъ, однако, Ивана Сергѣевича на Рождествѣ 1880—81 года, когда вслѣдствіе давняго настойчиваго приглашенія М. М. Ковалевскаго пріѣхалъ къ нему въ Парижъ, вмѣстѣ съ женой, на двѣ недѣли погостить, повеселиться и посмотреть городъ, мало намъ знакомый. Безполезно говорить, что въ лицѣ М. М. мы нашли радушнаго хозяина, который старался всячески развлекать насъ и забыть, что такое скука, смѣняя одно развлеченіе другимъ и таская насъ по всѣмъ увеселеніямъ, какія давало специальное оживленное время Noël. Парижъ представилъ намъ полную противоположность серьезному и семейственному, хотя, можетъ быть, нѣсколько чопорному Лондону. Въ письмѣ моемъ къ родственникамъ въ Россію 1 января 1881 года я заключаю Парижскія впечатлѣнія мои слѣдующимъ рѣзкимъ сужденіемъ: „Общій мой выводъ,“ пишу я, „это, что Парижъ—городъ мотовства и кутежей *par excellence*; даже Ковалевскій сознается, что Парижъ во всякомъ безпутствѣ усовершенствовался со времени республики—такъ что руками разведешь! Въ театрѣ, прессѣ и самой политикѣ—все кокотки, да кокотки: французы, серьезно говоря, перестаютъ вѣрить въ существованіе честныхъ женщинъ!!!“

Само собой понятно, что при такихъ поспѣшныхъ выводахъ и обобщеніяхъ я долженъ былъ часто спорить съ поклонниками Парижа и всего Парижскаго—прежде всего съ моимъ другомъ М. М. Ковалевскимъ, и чаще всего наши споры вращались около вопроса о сравнительныхъ достоинствахъ, по понятнымъ причинамъ, французскихъ и русскихъ женщинъ; за первыхъ горой стоялъ М. М., за вторыхъ я. Каждый изъ насъ приписывалъ своей странѣ наибольшее количество добродѣтелей. На удивленіе всѣхъ пѣшеходовъ и проѣзжихъ, помню я, мы съ Ковалевскимъ прогуливались цѣлые часы по Булонскому лѣсу, привлекая общее вниманіе громкими разговорами и маханьемъ рукъ по поводу добродѣтелей и недостатковъ женской половины двухъ великихъ націй. Наконецъ, когда наши аргументы истощились, а мы съ мѣста въ убѣжденіяхъ не сдвину-

лись и каждый стоялъ на защитѣ своихъ дамъ, то почти одновременно намъ пришла мысль обратиться къ посредничеству какъ третейскаго суда, Ивана Сергѣевича Тургенева. Сказано—сдѣлано и мы чуть не стремглавъ пѣшкомъ въ чудное, помню я, солнечное зимнее утро побѣжали, привлекая общее вниманіе своимъ крупными фигурами и смѣхомъ, въ квартиру Тургенева. При этомъ было заключено пари на двѣ бутылки шампанскаго.

Необходимо сдѣлать однако одну оговорку: вышеозначенный споръ и рѣшеніе произошло уже въ концѣ нашего пребыванія въ Парижѣ; я же былъ у Тургенева тотчасъ же по прїѣздѣ въ Парижъ и былъ принятъ чрезвычайно радушно и сердечно. Иванъ Сергѣевичъ немедленно рѣшилъ, что я долженъ у него обѣдать съ Ковалевскимъ и все разсирасивалъ о нашихъ общихъ знакомыхъ, желая узнать, кого бы еще пригласить къ обѣду, чтобы мнѣ было пріятно. Какъ вдругъ на другой день Ковалевскій получилъ маленькую записочку отъ Ивана Сергѣевича, что онъ въ ночь заболѣлъ опять своей старой болѣзнью спины и ногъ, очень мучается и лежитъ вплотную въ постели, такъ что обѣдъ приходится отмінить, а если можно, чтобы мы посѣтили его на одрѣ болѣзны, запросто на короткое время. Разумѣется, мы были у него немедленно и нашли въ постели очень удрученнымъ; это была та самая болѣзнь, которая свела его черезъ непродолжительное время въ могилу: онъ лежалъ въ постели, не двигая корпусомъ, и малѣйшая попытка помочь ему приподняться сопровождалась страшнѣйшими болями и стономъ, при чемъ М. М., несмотря на меньшую силу, производилъ эти манипуляціи—поправлять подушки и поднимать больного гораздо болѣе ловко, нежели я. Мы просидѣли первый разъ у больного всего лишь четверть часа, потомъ повторили наше посѣщеніе еще раза два, такъ что нашъ внезапный визитъ съ просьбой посредничества по вопросу о женщинахъ былъ счетомъ четвертымъ моимъ посѣщеніемъ Тургенева въ этотъ разъ въ Парижѣ. Иванъ Сергѣевичъ былъ уже нѣсколько бодрѣе и выглядывалъ веселѣе, но когда мы, спорщики, къ нему появились, онъ все еще былъ въ постели и только потомъ, при нашей совмѣстной помощи, приподнимался и сидѣлъ на постели, или въ креслѣ, обложенный подушками, выслушивая насъ и отвѣчая намъ.

По соглашенію съ М. М. я первый обратился къ Ивану Сергѣевичу съ маленькимъ вступленіемъ и объясненіемъ по поводу нашей специальной дѣли посѣщенія. Я сначала разсказалъ въ краткомъ видѣ предметъ нашего разговора и въ концѣ привелъ аргументы въ пользу и противъ женщинъ каждой изъ двухъ націй. Затѣмъ, обращаясь къ Ивану Сергѣевичу, я сказалъ ему, что такъ

какъ мы съ моимъ другомъ находимся передъ лицомъ одного изъ лучшихъ знатоковъ женской души и авторомъ такихъ чудныхъ женскихъ типовъ, какъ Лиза въ „Дворянскомъ Глѣздѣ“, Ася и многія другія, то я убѣжденъ, что найду въ немъ искреннюю поддержку относительно достоинствъ русской женщины, и что онъ подастъ непременно голосъ за меня, а не за Ковалевскаго съ его французскими... Добавлю къ этому сообщенію речательство за точность моей памяти въ этомъ случаѣ, такъ какъ мнѣ слово въ слово припоминается все то, что говорилъ по этому поводу Тургеневъ, тогда какъ М. М., котораго я недавно объ этомъ спрашивалъ, половину бесѣды съ Тургеневымъ, повидимому, забылъ.

Иванъ Сергѣевичъ, какъ и себѣ ясно представляю его фізіономію, добродушно улыбался, нѣсколько минутъ какъ будто колебался отвѣтомъ, а затѣмъ своимъ тихимъ, ровнымъ голосомъ сказалъ слѣдующее: „Конечно“, началъ онъ, „я нѣсколько знакомъ съ этимъ вопросомъ и постараюсь отвѣтить вамъ вполне безпристрастно. Нѣтъ сомнѣнія, что французскія настоящаго времени имѣютъ за собой значительные недостатки: изъ нихъ самый главный, это клерикализмъ—значительное вліяніе на нихъ поновъ, что отражается очень вредно. Но зато въ другихъ отношеніяхъ французскія обладаютъ большими достоинствами, отчасти, быть можетъ, привитыми культурой. Французка, которая любитъ, вѣрна своему слову и на нее можно вполне полагаться“... „Съ другой стороны“, перешелъ онъ, „русскія женщины—кто же въ этомъ усумнится, несомнѣнно имѣютъ превосходныя качества: ни одна женщина въ мірѣ не можетъ быть способна на такое самопожертвованіе, на такую готовность отдать любимому человѣку все, что имѣетъ и чуть ли не больше того“... „Но въ то же время я долженъ сознаться, что нельзя поручиться за самую лучшую русскую женщину, что она въ важную, серьезную минуту своей жизни неожиданно для всѣхъ вдругъ пер.*И* (здѣсь Тургеневъ употребилъ одно неприличное сравненіе, желая, очевидно, имъ выразить нелѣпый, легкомысленный въ моральномъ отношеніи поступокъ). „Это очень печально“, сказалъ онъ, „но къ сожалѣнію правда. Въ то же время французка, которая любитъ, никогда подобной неожиданностью не наградитъ, и на нее можно твердо рассчитывать“....

„Такъ изрекъ нашъ почтенный судья по поводу предмета нашего спора съ М. М., который, конечно, торжествовалъ, утверждая, что онъ именно такого рѣшенія и ожидалъ отъ Ивана Сергѣевича—этого наилучшаго, тѣмъ не менѣе, творца многихъ симпатичнѣйшихъ русскихъ типовъ женщины.

Насколько я поцѣлъ Ивана Сергѣевича, его рѣшеніе относи-

тельно превосходства французской женщины вмѣстѣ съ признаніемъ многихъ достоинствъ русской вызывалось, главнымъ образомъ, если не исключительно, признаніемъ нашей общей малокультурности. „Общая культура страны“, говорилъ Тургеневъ, „отражается непрѣмѣнно въ столь важныхъ вопросахъ, какъ легкомысленные поступки женщинъ (которые, очевидно, имѣли въ виду Тургеневъ, какъ въ самыхъ мелочахъ жизни). На нихъ можно видѣть разницу общественнаго просвѣщенія народовъ и взаимнаго уваженія людей и ихъ правъ. Тутъ я припоминаю длинный рядъ всевозможныхъ примѣровъ и иллюстрацій по данному поводу, приведенныхъ почтеннымъ Иваномъ Сергѣевичемъ; къ моему прискорбію я долженъ былъ согласиться съ тѣмъ, что описанные имъ образцы поведения являются истинными выразителями нашей некультурности. Ограничусь двумя его примѣрами. „Вы говорите, обращаясь къ своему посѣтителю и пріятелю, положимъ, въ моментъ его ухода отъ васъ: вотъ у меня приготовлено письмо, которое необходимо поскорѣе отправить; будьте добры, возьмите его и отпустите въ почтовый ящикъ“... „Замѣчайте“, говоритъ онъ, „какъ въ этомъ случаѣ поступить вашъ посѣтитель. Если онъ русскій, то онъ въ большинствѣ случаевъ посмотритъ, кому письмо адресовано, что написано на конвертѣ и затѣмъ спрячетъ письмо съ общаніемъ его опустить въ ящикъ“... „Если вашъ посѣтитель французъ“, добавлялъ Иванъ Сергѣевичъ, „то можно положительно сказать, что онъ спрячетъ письмо въ карманъ, не взглянувши, кому оно адресовано...“ Другой примѣръ: „Вы встрѣтили на улицѣ пріятеля съ кѣмъ-то вамъ незнакомымъ. Если вы русскій, то очень часто, хотя бы шепотомъ, спросите, съ кѣмъ онъ идетъ, или шель; что же касается француза, то подобное дѣйствіе онъ сочтетъ за неприличіе и никогда его не сдѣлаетъ“.

Въ обоихъ случаяхъ людьми культурными уважается право на интимность извѣстныхъ дѣйствій, тогда какъ малокультурный человѣкъ совсѣмъ этого не понимаетъ и безцеремонно залѣзаетъ иногда своими лапами въ чужую область, которой касаться ему не подобаетъ.

Мое знакомство съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ началось въ 1882 году во время статистической переписи г. Москвы. Какъ извѣстно, Левъ Николаевичъ захотѣлъ въ ней принять участіе, при чемъ былъ допущенъ въ качествѣ, такъ сказать, добровольца и посѣщалъ преимущественно пріюты городской нищеты, такъ называемые „ночлежные дома“ и „кочевыя квартиры“, которымъ онъ и посвящалъ нѣсколько своихъ превосходныхъ очерковъ.

Кромѣ лично самого Льва Николаевича были еще участники

переписи изъ его семейства, а именно его старшій сынъ Сергѣй Львовичъ, въ то время студентъ-естественникъ Московскаго университета; какъ всѣ лица изъ молодежи, допущенныя до участія въ переписи, Сергѣй Львовичъ былъ записанъ въ такъ называемые „счетчики“—низшій рангъ участниковъ въ цензѣ и совершенно случайно онъ былъ занесенъ въ списокъ Стрѣтенской части Москвы, гдѣ сосредоточены всевозможные вертены порока и подонки населенія. Это послѣднее обстоятельство и послужило поводомъ къ нашему знакомству. Левъ Николаевичъ нашелъ неудобнымъ такую дѣятельность своего сына, въ его юномъ возрастѣ, въ части города, гдѣ онъ могъ видѣть лишь представителей порока и преступленія, поэтому онъ обратился къ кому-то изъ главныхъ распорядителей переписи (вѣроятно къ А. И. Чупрову), съ просьбой перевести своего сына для статистическихъ работъ въ другую, болѣе приличную часть города. Такъ какъ въ это время распредѣленіе „счетчиковъ“ уже закончилось, то принятіе новаго вполне зависѣло отъ воли „участковаго“, и Льву Николаевичу указали тотчасъ же на меня, завѣдующаго Пречистенской частью, гдѣ проживалъ и самъ Левъ Николаевичъ, при томъ же недалеко отъ моей квартиры (оба жили тогда въ Денежномъ переулкѣ). Я, разумѣется, съ удовольствіемъ согласился принять такого счетчика и заявилъ ему тотчасъ же, встрѣтившись случайно въ магазинѣ книгопродавца Васильева на Страстномъ бульварѣ; Левъ Николаевичъ нашелъ нужнымъ сдѣлать мнѣ визитъ, и наше знакомство началось.

Мои посѣщенія Льва Николаевича относятся преимущественно къ нѣскольکو болѣе позднему времени, когда онъ уже приобрѣлъ собственный домъ въ Хамовникахъ и туда переѣхалъ изъ Денежнаго переулка; до переселенія моего на постоянное жительство въ Петербургъ въ 1898 году, мы видались съ нимъ, примѣрно, разъ десять каждую зиму, при чемъ Левъ Николаевичъ заходилъ ко мнѣ за англійскими и американскими книгами, и по этому поводу возникали у насъ довольно длинныя разговоры, если не споры. Жена моя вскорѣ также познакомилась съ графиней Софіей Андреевной и съ удовольствіемъ ее прѣздя посѣщала. Ближайшимъ поводомъ къ нашимъ бесѣдамъ были преимущественно книги и книги, которыя всѣ мы одинаково любили и обмѣнивались новостями англо-американской литературы.

Помимо взаимныхъ посѣщеній мы встрѣчались съ Львомъ Николаевичемъ на улицѣ, и наши встрѣчи превращались иногда, такъ какъ мы оба были хорошими ходоками, въ длинныя безконечныя прогулки и проводы другъ друга по московскимъ бульварамъ и улицамъ, при чемъ Левъ Николаевичъ говорилъ и говорилъ, я же